

*В. С. Шустер,
магистрант 2 курса Минской духовной академии
(руководитель – иерей Михаил Самков, кандидат
богословия)*

Концепция нового неба и Нового Иерусалима в Откр. 20-21

Книга Откровения апостола Иоанна Богослова является самой трудной для понимания книгой Библии. Содержание этой книги не может быть объяснено однозначно, и поэтому эта книга почти не используется во время богослужения. Таинственные пророчества, сложная система изображений и символов наполняют эту книгу, которую многие ученые экзегеты и просто обычные люди часто понимают по-разному. По нашему мнению, чтобы хотя бы приблизиться к правильному пониманию апокалипсиса, его сути, нужно обратиться к истории этого жанра библейской литературы, понять, что такое апокалиптическая литература, каковы ее признаки и особенности. В этой статье мы попытаемся раскрыть одну из характерных особенностей апокалиптической литературы – учение о новом творении, Новом Иерусалиме, как оно изображено в Ветхом и Новом Завете.

Последнее видение Книги Откровения – величественная картина нового творения, которое изображается тождественным Новому Иерусалиму и эсхатологическому Эдему, вечному дому Нового Израиля. Ангел, принесший видение Небесного Иерусалима, также показал видение гибели «великой блудницы» Вавилона. Ангел призвал Иоанна: «Подойди, я покажу тебе суд над великою блудницею» (Откр. 17:1). Теперь тот же Ангел призывает: «Пойди, я покажу тебе жену, невесту Агнца». И весь последующий отрывок с описанием Нового Иерусалима, святой невесты, следует воспринимать на фоне противопоставления его блестящему Вавилону–Риму, блуднице [5, с. 321].

В Ветхом Завете о сотворении нового неба и новой земли говорится в Ис. 65:17 («Ибо вот, Я творю новое небо и новую землю, и прежние уже не будут воспоминаемы и не придут на сердце») и Ис. 66:22 («Ибо, как новое небо и новая земля, которые Я сотворю, всегда будут пред лицом Моим, говорит Господь, так будет и семья ваша и имя ваше»). Иудейские учителя по-разному толковали Ис. 65–66. Одни считали, что Бог обновит творение для Своего царства, другие – что Он заменит его совершенно новым. Видение Иоанна вмещает в себя оба эти толкования; тот факт, что Откр. 20:11 («И увидел я великий белый престол и Сидящего на нём, от лица Которого бежало небо и земля, и не нашлось им места») описывает теофанию, то есть красочную картину отклика творения, грядущего на суд Богу, может скорее свидетельствовать в пользу первой точки зрения. В любом случае, выражение «моря уже нет» в меньшей степени связано с водами, чем с нечестием: дьявол, антихрист и царство антихриста – все они изображаются морскими чудовищами; ничто из этого не найдет своего места в новом порядке [4, с. 746]. Предсказания об исчезновении моря были не столь характерны для апокалипсисов. Некоторые комментаторы указывают на гораздо более древние ханаанские мифы, но вряд ли они могли быть очевидными для читателей Иоанна [3, с. 698]. Исчезновение моря здесь можно соотнести с буквальным (и типично древнеиудейским) прочтением Ис. 65:17, где говорится о небе и земле, но море не упоминается; другое объяснение может быть связано с тем, что море символически обозначает силы зла в Откровении (границы Римской империи – Откр. 13:1) [3, с. 698].

Новый мир и Новый Иерусалим – библейские понятия, неотделимые друг от друга. Это единство двух понятий сохраняется и в Книге Откровения, явно опирающейся на пророчество Исаии. Итак, Новый Иерусалим, «святой город» – как он называется в Священном Писании, – нисходит с неба. Этот таинственный образ тоже имеет свои корни в иудейской апокалиптической сфере. Он же был воспринят и ранними христианами, например апостолом Пав-

лом в Послании к Галатам (Гал. 4:26) или в Послании к Евреям (Евр. 12:22). В этой иудейской сфере существовала мысль о том, что Новый Иерусалим уже от века предсуществует на небе [5, с. 314]. И этот небесный, но пока еще невидимый город спустится на эту землю, а именно в Палестину, чтобы заменить собою оскверненный или уничтоженный ветхий Иерусалим. Иначе картина представлена у Иоанна в Откровении. Здесь сначала возникает новый мир – указание на то, что все прежнее представление теряет свой национально-иудейский характер. Новый Иерусалим – не возобновление Иерусалима в его идеальном состоянии, не замена одного города другим, подобным, но лучшим. Новый Иерусалим – метафора нового мира, Царства Божьего, населенного Церковью спасенных [5, с. 314].

Если же смотреть вглубь иудейской мечты о Небесном Иерусалиме, то мы увидим, что на формирование такого представления повлиял эллинизм. Первоисточник его – философия Платона, величайшего философа древности. Он учил об идеях, о том, что в высшем невидимом мире существуют идеи всех вещей, то есть их идеальные, совершенные прообразы. Все, что есть на земле – лишь несовершенные копии небесных идей. Согласно этой философии, должен существовать и Небесный Иерусалим, несовершенной копией которого является Иерусалим земной. Эллинская философия и вообще культура оказала большое влияние на иудеев межзаветной эпохи [5, с. 314]. Ведь у пророка Исаии еще не говорится о Небесном Иерусалиме. У него речь идет о земном обновленном Иерусалиме. А в апокалиптической литературе эпохи смены тысячелетий появляется и представление об идеальном Небесном Иерусалиме [5, с. 314]. Новая вселенная будет легко узнаваемым соответствием ветхой вселенной, однако обновленной, подобно тому, как тело будет воскрешено, не утратив своих прежних особенностей. Качественное противопоставление второго мира первому усиливается благодаря текстам Ис. 65:17; Ис. 66:22, которые служат источником выражений Откр. 21:1. Нужно обратить внимание на то, что сказано в Ис. 65:17: «Ибо будет новое небо и новая земля; и они вовсе не

вспомнят прежних». В Ис. 65:16–18 качественно противопоставляется прежняя земля, где они познали скорби угнетения, новому небу и новой земле, где будет только вечное веселье и радость. Согласно Ис. 66:22, одно из качественных различий между новым творением и прежней вселенной состоит в том, что новое небо и новая земля будут пребывать всегда, в отличие от ветхих, которые исчезнут. В Откр. 21:1 изображается грядущее исполнение двух пророчеств Исаии о новом творении [2, с. 570]. Новый мир, который, согласно Откр. 21:1, заменит собой прежний, теперь, в Откр. 21:2, именуется святым городом, Новым Иерусалимом. Неудивительно, что язык текста заимствован из другого отрывка Книги Исаии, где сказано: «Иерусалим, город святой» (Ис. 52:16). Образы, связанные с браком из Ис. 52 и Ис. 62, выдвигаются на передний план в конце (Откр. 21:2), теперь о городе сказано: «Приготовленный как невеста, украшенная для мужа своего». В Ис. 61:10 Сион обретает человеческий облик и пророчесствует о событиях грядущих как об уже свершившихся: «Как невесту, украсил убранством» (в Ис. 62:5 слово «невеста» также служит метафорой народа Израиля). Второй стих Откр. 21 убеждает нас в том, что эти обетования Книги Исаии найдут свое наивысшее исполнение в новой вселенной [2, с. 570]. Изображение святого города здесь и в Откр. 21:9 – 22:9 разделяется на два образа: город-невеста в смысле жизни в Царстве Божьем и город братского единения искупленных с Богом. Эта последняя особенность появляется как первое и самое большое благословение вечного царства [4, с. 746]. Улучшение мира или его обновление не являются причиной возникновения Небесного Иерусалима; лишь исчезновение прежней земли освобождает место для нисходящего от Бога на новую землю Небесного Иерусалима Откр. 3:12; Откр. 21:1. Желание вступить в этот город несовместимо с земными желаниями, на нынешней земле граждане Небесного Града – пришельцы 1 Пет. 2:11; Евр. 12:22–24; здесь они безродны, подобно Израилю во время странствования по пустыне Евр. 3:7 – 4:11, и поэтому их

цели должны быть сообразованы с вечностью (Флп. 3:14; Кол. 3:1–2; Евр. 13:14).

Граждане Небесного Иерусалима – это истинное потомство Авраама, который ожидал построенного Богом города как обетованного наследства и жил на обетованной земле как пришелец (Евр. 11:9, 10). Апостол Павел говорит, что у Авраама было два сына: один – от рабыни Агари, рожденный по плоти, в рабство закона, второй – от свободной Сарры, рожденный по обетованию. Павел подчеркивает, что «в этом есть иносказание»: Агарь «соответствует нынешнему Иерусалиму», а «вышний Иерусалим... мать всем нам» (Гал. 4:22–30). Только в связи с этими новозаветными высказываниями предвидение пророками новой земли (Ис. 65:17) и грядущего спасения Иерусалима (Ис. 66:10, 13) обретает истинный смысл. Учитывая последующие отсылки к образу храма (Иез. 40–48; ср. Откр. 21:9 – 22:5), можно заключить, что в Откр. 21:3 слышится отголосок и исполняется обетование Иез. 43:7, эсхатологический храм созиждется там, где будет пребывать Бог среди сынов Израилевых вовеки. Согласно Лев. 26:11–12 и Иез. 37:26–28, эта последняя обитель Бога среди его людей будет грядущей эсхатологической скинией. Таким образом, видение нового творения, данное в Откр. 21:1 и видение нового Иерусалима, открытое в Откр. 21:2, интерпретируется в Откр. 21:3 как скиния Бога с человеками (со всеми верующими обитателями нового творения) [2, с. 571]. Иоанн теперь слышит голос некоего высшего Ангела, который называет Новый Иерусалим скинией. Более конкретно, само выражение «скиния Бога с человеками» говорит об универсализме Нового Иерусалима. Ветхий Завет такого выражения не знает. Скиния, в которой обитает Бог на земле, – образ пребывания Бога с Израилем, а не с какими-то «человеками». Иначе говоря, в Откровении даже в таких, на первый взгляд незаметных, деталях преодолевается национальный характер ветхозаветной религии. Вера выходит на всемирные просторы всех «человеков» [5, с. 316].

Интересна фраза Иоанна о Небесном городе – «...скиния Бога и людей», – позволяющая предполагать,

что Новый Иерусалим будет вечным домом искупленного человечества. По пророчествам (Откр. 21:22), храм должен был быть восстановлен, а Иерусалим обновлен. Однако Иоанн говорит, что не видел в новом Иерусалиме храма. Это не значит, что Иоанн не видел храма вообще; дело в том, что он не видел земного храма, подобного древнему храму Израиля. И это объясняется тем, что «Господь Бог Вседержитель – храм (или святилище) его, и Агнец». А точнее, Бог и Агнец заполнили все новое творение своим славным присутствием, прежде заключенным во Святое Святых и в небесном храме. Вот почему Новый Иерусалим изображается как куб, – именно такой была форма святого святых в прежнем храме Израиля; а теперь славное присутствие Бога, прежде ограниченное тайной комнатой храма, прорвалось наружу и заполнило собой всю новую вселенную. Подробное описание храма, данное в четырех главах пророчества Иезекииля (гл. 40–43), здесь излагается в сжатом виде и интерпретируется кратким утверждением о том, что Бог и Агнец – храм [2, с. 574]. Принимая во внимание образы Откр. 21:22, следует заключить, что Иоанн, вероятно, считал, что эти пророчества Ветхого Завета исполнятся в будущем: Бог и Христос заменят прежний рукотворный храм и ковчег своей славной обителью, великолепие которой затмит славу прежнего храма [2, с. 574]. Но вспомним, что такое «скиния». Это слово – греческое. Оно означает шатер, походную палатку, но в библейском словаре оно уже давно утратило смысл временного местожительства. Первоначально же скиния представляла собой ту палатку в пустыне, которая была обустроена как прообраз будущего храма. В этой палатке обитал Бог, сопровождая народ Израиля ввремя его странствия по пустыне. Со временем скиния стала символом присутствия, близости и помощи Божьей. Но слово скиния имеет и другой важный оттенок. По своему звучанию это греческое слово похоже на совсем другое по значению еврейское слово *шехина*, слава Божья, сияние присутствия Божьего [5, с. 316]. Звуковое подобие (*скиния–шехина*) привело к тому, что люди не могли подумать об одном, не подумав о другом. Другими словами,

сказать, что скиния, палатка Божья, будет среди людей, означало то же, что шехина Божья, слава Божья, будет с людьми. В Ветхом Завете шехина время от времени появляется как сияние, как светящееся облако, которое приходило и уходило. Так, например, мы читаем об облаке, которое наполнило святилище при освящении Соломонова храма: «Когда священники вышли из святилища, облако наполнило дом Господень; и не могли священники стоять на служении, по причине облака, ибо слава Господня наполнила храм Господень» (3 Цар. 8:10). В Новом Иерусалиме слава Божья не будет чем-то мимолетным; она будет постоянно пребывать с народом Божиим [5, с. 316]. В Откр. 21:4 находит исполнение пророчество Ис. 25:8: «Отрет Господь Бог слезы со всех лиц». Тот же самый стих в Книге Исаии свидетельствует о том, что это будет утешением вопреки смерти, которая господствовала прежде, во времена пленения Израиля в мире, чем объясняется то, что тут же, в Откр. 21:4, упоминается об уничтожении смерти. Кроме того, фоном данного текста служат Ис. 35:10 и Ис. 51:11, где предсказывается, что печаль, скорбь и стенания удалятся. И вовсе не случайно, что в предшествующем стихе Ис. 51 пророк вспоминает о первом исходе, когда Бог повелел морю уйти (Откр. 21:1): «Не ты ли иссушил море, воды великой бездны, превратил глубины моря в дорогу, чтобы прошли искупленные?» (Ис.51:10) [2, с. 571]. Заключительные слова Откр. 21:4 – «прежнее прошло» – служат продолжением аллюзий на Ис. 35; 51 и в то же время вызывают в памяти слова из Ис. 65:17, Ис. 43:18. В Откр. 21:5 Бог говорит: «Се, творю все новое», – таким образом, в третий раз повторяется пророчество Исаии о грядущем новом творении. Откр. 21:1 отсылает нас к Ис. 65:17 и Ис. 66:22, а в Откр. 21:5 заимствуется материал из Ис. 43:19: «Вот, Я делаю новое» [2, с. 571–572].

Отдельно следует отметить видение, описанное в Книге пророка Иезекииля. Пророк получает откровение о городе Господа, расположенном вокруг восстановленного Храма Единого Бога. Город станет столицей Мессиянского царства, местом встречи двенадцати колен Израилевых во

времена грядущей Мессианской эпохи. Названо в книге и имя города – «Ягве-Шамма» (ивр. יָגוֹוֹ שָׁמַמָּה; *Господь там; «шамма»* также имеет значение «послушный»). В Откр. 21:10 мы находим выражения из Книги Иезекииля: «И поднял меня дух» (Иез. 43:5); «была на мне рука Господа, и Он повел меня... и поставил меня на весьма высокой горе, и на ней было как бы здание города предо мною» (Иез. 40:1–2). Это сочетание текстов, вне сомнения, указывает на то, что следующее видение в Откр. 21:10 – 22:5 следует отождествлять с пророческой кульминацией блаженного видения грядущего храма в Иез. 40–48, расположенного на весьма высокой горе. Ангел переносит Иоанна на великую и высокую гору, где, вероятно, также располагается новый город-храм, поскольку, по пророчествам Ветхого Завета, грядущий Иерусалим должен был быть расположен на высокой горе (Ис. 2:2–3; 4:1–5; 6:26, 2; Мих. 4:1–2) [2, с. 572]. В Откр. 21:12–13 город имеет большую и высокую стену. Здесь сокрыто ее двоякое назначение – оградить город от тех, кому нет доступа в него (Откр. 21:27; Откр. 22:14–15), и обеспечить навек безопасность находящихся внутри. На каждом из его двенадцати ворот написаны имена двенадцати колен сынов Израилевых, а на его двенадцати основаниях – имена двенадцати апостолов. Этим обозначается единство Старого и Нового заветов; вместе они образуют Израиль Божий, который объединяет все народы во Христе. Двенадцать оснований стены города, вероятно, не являются вертикальными, но представляют собой непрерывную цепь, располагаясь вокруг города ступенчато; и разделены они двенадцатью воротами [4, с. 746]. Двенадцать апостолов соответствуют двенадцати коленам в ст. 12; подобно последним, они обозначают коллективное целое и не являются перечнем имен. Поэтому нет необходимости спрашивать, включено ли имя Павла в их число, а если да, то чье имя исключено; такой вопрос просто не возникает. В Откр. 21:16 Небесный город не располагается на неприступной горе Божьей, но открыт всем людям на новой земле. Этой открытости соответствует то, что в Новом Иерусалиме, как будет сказано далее, отсутствует храм. Ведь в храм имеют

доступ немногие. У Иезекииля, напротив, описывается только храм, а не город. В Новом Иерусалиме больше не существует разделения культового чистого и нечистого. Хотя Новый Иерусалим у Иоанна сходит с неба, он есть «небо на земле», а именно «открытое небо», доступное для спасенных, сфера полной свободы [5, с. 322]. Город расположен четверугольником, но поскольку его ширина, длина и высота одинаковы, то он имеет форму куба. Такая кубической формы структура известна нам из Ветхого Завета – это Святое Святых в храме (3 Цар. 6:20). В данном случае форма куба означает, что весь город представляет собой святилище и ему присуща святость древнего алтаря. Это объясняется тем, что квадратными в плане были также великие древние города: Ниневия и Вавилон. Но святой город имеет форму куба. Его длина, ширина и высота равны. Это очень важно, потому что в античном мире и квадрат, и куб считались совершенными формами. Нам сегодня странно это слышать, но у Платона и Аристотеля добрый человек именуется «тетрагоном», то есть четырехугольником. Так же считали иудеи. Жертвенник всесожжения, жертвенник курения и другие священные предметы были кубическими или квадратными (Исх. 27:1; 30:2; 28:16). Эта форма вновь и вновь встречается в видениях нового Иерусалима и нового храма у пророка Иезекииля (Иез. 41:21; 43:16; 45:2; 48:20). Наконец, Святое Святых в Соломоновом храме было выполнено в форме совершенного куба (3 Цар. 6:20). Иоанн вложил в свою картину кубического города символический смысл: весь святой город – это Святое Святых, обиталище Бога среди людей [5, с. 324–325].

Символичны и размеры города. Каждая сторона его равна 12 000 стадий. Одна стадия равна приблизительно 200 м, и каждая сторона, следовательно, равна 2 400 км. Уже раввины говорили о Новом Иерусалиме, что он будет до самого Дамаска и займет всю Палестину. Но город с такой площадью, как у Иоанна, гораздо больше Палестины. Он невообразимо велик. Совершенно очевидно, что Иоанн тем самым хочет сказать, что в святом городе будет место для каждого. Но не только это. По античным представле-

ниям, как уже было упомянуто, земля имеет форму квадрата. На его четырех углах стоят столбы, поддерживающие небесный свод. Таким образом, вполне возможно, что размеры гигантского куба Нового Иерусалима на новой земле символизируют, что он объемлет весь мир, от земли до неба [5, с.325]. Перевод в современные линейные меры сразу же лишает нас возможности увидеть здесь символизм, то есть кратность числу 12. Иоанн, возможно, хотел сказать, что город Божий простирается с небес до земли, соединяя все в единое целое [4, с.747]. Откр. 21:17: «И стену его измерил во сто сорок четыре локтя (216 футов)», вероятно, высоты, а не толщины; и снова получилось число, кратное числу 12. И здесь Иоанн опирается на картины пророков, описывающих воссозданный Иерусалим. За образец взято описание стены и двенадцати ворот ее у пророка Иезекииля: «И вот выходы города... и ворота города называются именами колен Израилевых; к северу трое ворот» (Иез. 48:30–34). Поскольку площадь города имеет форму квадрата, врата ориентированы на четыре стороны света. Каждая сторона имеет трое ворот. Ангелы над вратами — стражники, Ангелы–хранители, согласно пророчеству Исаии: «На стенах твоих, Иерусалим, Я поставил сторожей, которые не будут умолкать ни днем, ни ночью» (Ис. 62:6) [5, с. 323].

В Откр. 21:18–21 символическим языком Иоанн продолжает описывать материал, из которого построен город. Он уже говорил, что светило в городе подобно драгоценному камню яспису, славе Божьей (11); он заявляет, что стена города целиком построена из ясписа. Чистое золото может указывать на святилище в храме Соломона, которое было целиком покрыто золотом (3 Цар. 6:20–22). Не смотря на некоторые неопределенности, связанные с переводом, вероятнее всего, речь идет о тех же камнях, что и на наперснике первосвященника, на которых записывались имена двенадцати колен (Исх. 28:15–21). Филон Александрийский и Иосиф Флавий обращают внимание на тот факт, что эти камни также отвечают двенадцати знакам зодиака [4, с. 747]. Если взять за основу древнюю корреляцию дра-

гоценных камней и знаков зодиака, то список Иоанна представляет не прямое, а обратное прохождение солнца через двенадцать знаков зодиака. Возможно, он хотел отделить святой город от языческих представлений о городе как о городе богов на небесах; или, напротив, этот обратный ход солнца – реальность, и Иоанн показывал, что та реальность, о которой мечтали язычники, явлена откровением Бога во Христе (на камнях в основании были написаны имена апостолов Агнца – Его свидетелей) [4, с. 747]. Общее описание устройства города в (Откр. 21:12 – 22:5) взято из видения Иез. 40–48, где содержится пророчество об образе последнего храма (гл. 40–44), равно как и устройении эсхатологического города и разделении земли, прилегающей к храму (гл. 45–48). Кроме того, в Откр. 21:12 – 22:5 истолковывается то, как исполнится в будущем пророчество Книги Иезекииля: образы храма, города и земли сливаются в одну эсхатологическую картину, отображающую единую реальность присутствия Бога и общения его со своим народом в вечном новом творении [2, с. 572–573].

В первом стихе двадцать второй главы соединены пророческие образы источника или реки воды живой, вытекающей из эсхатологического Иерусалима (Зах. 14:8) и его храма (Иез. 47:1–9). Стих, с которого начинается глава, отсылает нас к тексту, даже более древнему, чем ветхозаветные пророчества Иезекииля, Иоиля и Захарии, – к описанию райского сада в Быт. 2:10: «Из Едема выходила река». Земля, которую обтекал один из потоков, на которые разделялась река первого Эдема, была богата золотом, а также бдолахом и ониксом; эти драгоценные материалы соотносятся с драгоценными материалами, упоминающимися в тексте в связи с рекой (Откр. 22:1). Как и в Иез. 47, вода живая вытекает из храма, но теперь Бог и Агнец – храм (Откр. 21:22). Хотя, возможно, здесь речь идет о Духе Святом, метафорический образ воды прежде всего служит символом жизни вечного общения с Богом и Христом, что подтверждается дальнейшим раскрытием идеи в Откр. 22:3–5 [2, с. 575]. Райский город-храм, очевидно, охватывает в полноте воссозданную землю. Таким образом, Иоанн

видит город и подобный саду храм не в конкретном географическом месте на новой земле; он изображает новое творение как нечто тождественное городу и храму. Такое отождествление показано, например, в Откр. 21:27, где сказано, что в город-храм не войдет ничто нечистое, что еще подкрепляется текстами Откр. 22:15 и Откр. 21:8, где сказано, что нечестивые не могут войти в город и пребывают в озере огненном, которое находится вне нового творения, города и храма. Образ вселенского райского храма находит свое обоснование в древнем представлении о том, что храм Ветхого Завета был микрокосмической моделью всего неба и земли. Пс. 78:69 является одним из текстов, в которых об этом говорится наиболее определенно: «И устроил как небо святилище Свое и как землю утвердил его навек» [2, с. 577-578].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Библия. Священное Писание Ветхого и Нового Завета. – М.: Издание Российского Библейского Общества, 2013. – 2048 с.
2. Бил, Г. К.; Карсон, Д. А. Ветхий Завет на страницах Нового. Т. 3. Деяния св. Апостолов. Общие послания. Откровение / Г. К. Бил, Д. А. Карсон. – Черкассы: Коллоквиум, 2013. – 592 с.
3. Кинер, К. Библейский культурно–исторический комментарий. Часть вторая. Новый Завет / К. Кинер. – Санкт-Петербург: Издательство «Мирт», 2005. – 733 с.
4. Новый библейский комментарий: В 3 ч. Ч. 3. Новый Завет.: Пер. с англ. – СПб.: Мирт, 2001. – 751 с.
5. Ианнуарий (Ивлиев), архим. И увидел я новое небо и новую землю. Комментарий к Апокалипсису / архим. Ианнуарий (Ивлиев). – М.: Издательство ББИ, 2015. – 346 с.